

*Дане, Елене, Марианне и Куин Джао,
которые, к счастью, были совсем другими*

Пролог

Эту песню постоянно крутят по радио, но каждый раз Холли улавливает только отдельные слова. *Вспомни, о вспомни, когда мы были* — женский голос, звонкий и пронзительный, легкий стремительный ритм заставляет приподняться на цыпочки, и сердце начинает стучать в такт. Она все хочет спросить: *Что это?* Но никак не удается уловить достаточно, чтобы было о чем спрашивать. То у них серьезный разговор, то надо спешить на автобус, а когда наступает подходящий момент, мелодия ускользает и в тишину врывается Рианна или Ники Минаж.

На этот раз песня доносится из машины — у автомобиля опущен верх, наверное, чтобы ухватить все доступное сегодня солнце, уцепить сколько удастся лета, которое завтра может внезапно закончиться. Откуда-то из-за зеленой изгороди мелодия просачивается на детскую площадку парка, где они застряли по пути из магазина, перебирая школьные покупки и доедая подтаявшее мороженое. Холли задумчиво покачивается на качелях и, запрокинув голову, разглядывает сквозь ресницы солнечный диск, но вдруг выпрямляется, прислушиваясь.

— Вот эта песня, — говорит она, — как...

Но тут Джулия роняет себе на волосы шарик мороженого и прыгает с карусели с воплем “Твою мать!”, и к тому моменту, как она выхватила у Бекки салфетку, а у Селены бутылочку с водой и отмыла липкие пряди, непрерывно ругаясь, — в основном просто чтобы вогнать Бекку в краску, судя по брошенному в сторону Холли лукавому взгляду, мол, она выглядит так, как будто на нее кто-то кончил, машина уже далеко.

Холли доедает мороженое и расслабленно прогибается, повиснув на качелях, следя, чтобы концы волос не мели землю, и глядя на остальных снизу вверх и сбоку. Джулия улеглась на площадку карусели и начинает медленно вращать ее, отталкиваясь ногами; карусель скрипит привычно и умиротворяюще. Селена растянулась на животе рядом с подругой, роясь в сумке с покупками и позволяя Джулии работать в одиночку. Бекка ползает по детской паутинке и аккуратно облизывает мороженое кончиком языка, проверяя, на

сколько можно растянуть одну порцию. Уличный шум и крики мальчишек за изгородью даже почти не раздражают, их размыло солнышко и расстояние.

– Осталось двенадцать дней, – говорит Бекка, проверяя, рады ли остальные этой новости. Джулия поднимает свой рожок с мороженым, как бокал; Селена чокается с ней тетрадкой по математике.

Громадный фирменный пакет, стоящий около качелей, радуется Холли, даже когда она не смотрит на него. Хочется запустить туда обе руки и голову, ощутить пальцами перевозданную новизну: гляцевая папка на кольцах, уголки еще не отбиты; клевые карандаши, заточенные так остро, что ими пораниться можно; готовальня, в которой все мелкие предметы пока на месте и ослепительно блестят. И то, что она впервые купила в этом году, – пушистые желтые полотенца, обвязанные ленточками; покрывало в широкую желто-белую полоску, затянутое в пластик.

Чип-чип-чип-чуррр, звонко поет птичка где-то в тени. Жара. Знойный воздух словно медленно обугливает предметы от краев к центру. Если смотреть на Селену снизу вверх, видна только волна волос и ясная улыбка.

– Сетки! – внезапно восклицает Джулия.

– Хм? – Селена не отводит глаз от охапки кистей в руке.

– В списке для пансиона. Там есть “две сетки для стирки”. Слушайте, где их брать? И что с ними делают? Я вообще никогда не видела сеток для стирки.

– Это чтобы в прачечной не потерялись вещи, – объясняет Бекка. Бекка и Селена живут в пансионе с самого начала, с двенадцати лет. – Чтобы к тебе не попали чьи-нибудь гадкие трусы.

– Мама мне купила на прошлой неделе. – Холли садится. – Я могу спросить где. – Произнося эти слова, она чувствует запах теплого белья, которое мама достает из сушилки, и вспоминает, как они обычно вместе встряхивают простыни, аккуратно складывая, и как фоном звучит Вивальди. На один краткий миг мысль о пансионе рождает внутри вакуум, засасывающий в себя пространство, сковывающий грудь. Она готова в голос позвать маму с папой, броситься к ним и умолять оставить ее дома насовсем.

– Хол, – Селена ласково улыбается, когда карусель приносит ее обратно, – будет классно, вот увидишь.

– Ага, – соглашается Холли. Бекка озабоченно смотрит на нее, вцепившись в стойку паутинки. – Я знаю.

И все, прошло. Только слегка саднит: еще есть время передумать, решай скорей, пока не стало слишком поздно, беги-беги-беги домой и спрячь голову в песок. *Чип-чип-чуррр*, громко поддразнивает маленькая невидимая птичка.

– Я забиваю кровать у окна, – объявляет Селена.

– Ага, вот еще, – возражает Джулия. – Нечестно забивать себе место, когда мы с Хол даже не знаем, как выглядит комната. Придется подождать.

Селена смеется, и они медленно возвращаются на детской карусели в жарком колышущемся мареве.

– Ты что, окон не видела? Решай, да или нет.

– Я решу, когда войду в комнату. Смирись.

Бекка все так же наблюдает за Холли из-под насупленных бровей, не забывая по-кроличьи торопливо обгрызать вафельный рожок.

– Я забиваю кровать подальше от Джулии, – говорит Холли. Третий год ^[1], в комнатах живут по четыре человека, вот и они будут там вместе, вчетвером. – Она храпит, как тонущий буйвол.

– Да хрен тебе. Я сплю, как маленькая сказочная принцесса.

– Ты тоже иногда храпишь, – говорит Бекка и краснеет от собственной смелости. – В прошлый раз, когда я у тебя ночевала, я прямо *чувствовала* твой храп, вся комната вибрировала.

Тут Джулия торжествующе показывает Холли средний палец, Селена хохочет, и Холли тоже улыбается и уже дожидаться не может следующего воскресенья.

Чип-чип-чуррр, напоследок поет птичка, лениво и протяжно, впадая в дрему. И смолкает.

1

Она сама меня разыскала. Обычно люди стараются держаться от нас подальше. Неразборчивое бормотание по номеру горячей линии, *В 95-м я видел, как...* никаких имен, и щелчок отбоя, если попросишь уточнить. Письмо, набранное на компьютере и отправленное из другого города, на конверте и бумаге никаких отпечатков. Если человек оказывается нам нужен, приходится долго его вычислять и выслеживать. Но она – она сама пришла, и именно ко мне.

Я ее не узнал. Я только что поднялся по лестнице и спешил в свой отдел. Майское утро, а по ощущениям – лето, солнце шпарит сквозь стекло, ярко освещая трещины на оштукатуренных стенах. Я мурлыкал на ходу песенку, подпевая мелодии, звучащей в голове.

Конечно, я не мог ее не заметить. Она устроилась на обшарпанном кожаном диване в углу, нога на ногу, скрестив руки. Платиновая блондинка, волосы завязаны в длинный хвост; строгая школьная форма: юбка в сине-зеленую клетку, синий пиджак. Я подумал, что это просто чей-то ребенок, ждет, когда папа поведет ее к дантисту. Дочка старшего инспектора, например, – да кого угодно с большей, чем у меня, зарплатой. Дело не только в гербе на школьном блейзере. Изящно-небрежная расслабленная поза, надменно вздернутый подбородок, как будто это место – ее по праву, если ей вдруг взбредет в голову заняться канцелярской писаниной. Я прошел мимо – коротко кивнув на случай, если она и впрямь дочка начальника, – и направился в отдел.

А вот узнала ли меня она? Может, и нет. Прошло целых шесть лет, она была совсем ребенком, а во мне ничего примечательного, кроме рыжих волос. Забыла, должно быть. А может, и признала, но не подала виду по собственным причинам.

Она дождалась, пока секретарша объявила, указывая карандашом в сторону дивана:

– Детектив Моран, с вами хотят поговорить. Мисс Холли Мэкки.

Я резко развернулся, солнечный зайчик блеснул, ослепив на мгновение. Ну разумеется. Глаза-то должен был узнать. Большие, ярко-

синие, и в придачу утонченные полукружия век: люди-кошки, бледная девушка с сережкой со старинной картины, тайна.

– Холли, – протянул я руку. – Привет. Давно не виделись.

Несколько секунд эти немигающие непроницаемые глаза пристально изучали меня, впитывая информацию. Потом она встала. Руку она все еще пожимала по-детски, торопливо выдергивая ладошку.

– Привет, Стивен.

Приятный голос. Ясный и спокойный, без этого мультяшного повизгивания. Выговор высший класс, но без понтового карикатурного аристократизма. Отец ей никогда бы не позволил таких выкрутасов. Сразу долой форменный блейзер и марш в муниципальную школу.

– Чем могу помочь?

Немного тише:

– Я вам кое-что принесла.

Тут я растерялся. Десять минут десятого, школьная форма – она прогуливает, это непременно обнаружат. И пришла она явно не с поздравительной открыткой, столько-то лет спустя.

– Да?

– Ну *не здесь же*.

Она выразительно покосилась на секретаршу: разговор будет *конфиденциальный*. Девочка-подросток, смотри в оба. Дочь детектива, будь вдвойне настороже. Но это Холли Мэки – впутай кого-нибудь, кто ей не по душе, и пиши пропало.

– Давай поищем место, где можно поговорить спокойно.

Я работаю в отделе нераскрытых преступлений, всяков по-нашему. Когда мы беседуем со свидетелями, им кажется, что это не всерьез, не настоящее расследование убийства, без пистолетов и наручников, ничего такого, что врывается в их жизнь, как торнадо. Дело прошлое, размытое, полузабытое, расплывающееся по краям. А мы подыгрываем. Наша комната для допросов похожа на уютную приемную стоматолога: мягкие диваны, на окнах жалюзи, на стеклянном столике стопка зачитанных журналов. Отвратительный чай и кофе. Можно и не заметить видеокамеру в углу и одностороннее зеркало за шторкой, если не хочется их видеть, а им, конечно же, не хочется. Не волнуйтесь, сэр, всего несколько минут, и вы спокойно пойдете домой.

Туда я и привел Холли. Другая на ее месте вертела бы головой всю дорогу, но для Холли тут не было ничего нового. Она шла по коридору, как по своей квартире.

А я наблюдал за ней. Она, конечно, потрясающе повзрослела. Среднего роста или чуть ниже. Стройная, очень стройная, но выглядит естественно, никакой голодной истощенности. Формы уже обозначены. Не ослепительная красавица – во всяком случае, пока еще нет, – но и ничего уродливого, никаких брекето, прыщей и прочего, а благодаря глазам она не казалась еще одним клоном образцовой блондинки, на нее хотелось оборачиваться.

Ухажер ударил? Лапал, изнасиловал? И Холли предпочла прийти ко мне, а не к незнакомцу из отдела сексуальных преступлений?

Кое-что принесла. Улику?

Она прикрыла за собой дверь комнаты для допросов, огляделась.

Я небрежным движением включил камеру.

– Садись.

Холли осталась на месте. Провела пальцем по зеленым потертостям дивана.

– Эта комната симпатичнее, чем те, что были раньше.

– Как вообще поживаешь?

Она продолжала изучать комнату, на меня не смотрела.

– Нормально.

– Хочешь чаю? Или кофе?

Качнула головой.

Я ждал.

– А вы возмужали, – сказала Холли. – Раньше были похожи на студента.

– А ты была маленькой девочкой, которая ходила на допросы с куклой. Клара ее звали, верно? – Это вынудило ее таки повернуться ко мне. – В смысле, мы оба повзрослели, я об этом.

Она впервые улыбнулась. Намек на улыбку, в точности как я запомнил. В этом было что-то очень трогательное и тогда, давно, всякий раз меня цепляло. И вот опять.

– Рада вас видеть, – сказала она.

Когда Холли было девять-десять лет, она стала свидетельницей в деле об убийстве. Дело вел не я, но именно я с ней беседовал. Я зафиксировал ее показания, подготовил ее к появлению на суде. Она не

хотела туда идти, но все-таки согласилась. А может, ее папочка-детектив заставил. Кто ее знает. Даже когда ей было девять, я не питал иллюзий, что могу ее понять.

– Я тоже.

Короткий решительный вздох, так что плечи приподнялись, кивок – самой себе, словно что-то щелкнуло. Она уронила на пол школьный рюкзак. Подцепила пальцем лацкан форменного блейзера, демонстрируя мне вышитую на нем эмблему.

– Я теперь учусь в Килде. – Сказав это, она уставилась на меня, наблюдая за реакцией.

Я только кивнул, но сразу почувствовал себя неотесанным нахалом. Школа Святой Килды, о таких заведениях типы вроде меня и слышать-то не должны. Я и не знал бы о ней никогда, если бы не труп одного парнишки.

Средняя школа для девочек, частная, зеленый пригород. Монашки. Год назад две монахини вышли на рассвете прогуляться и в роще на дальнем конце школьной территории обнаружили лежащего юношу. Сначала они приняли его за спящего – вероятно, пьяного. В гневе ринулись к нему, дабы напомнить о семи смертных грехах, очистить от скверны и заодно выяснить, на чьи добродетели он посягнул. И прогремел грозный глас целомудрия: *Молодой человек!* А он не шелохнулся.

Кристофер Харпер, шестнадцати лет, из школы для мальчиков через одну улицу и две чрезвычайно высокие стены отсюда. Той ночью кто-то проломил ему голову.

Людей было задействовано – можно жилой квартал построить, сверхурочных выплачено столько, что можно все закладные оплатить, а уж бумаг по этому делу хватило бы, чтобы запрудить реку. Подозрительный сторож, случайный работяга – исключено. Одноклассник, с которым они как-то подрались, – исключено. Угрожающего вида местные мигранты, привлекавшиеся за мелкие правонарушения, – исключено.

И все. Больше никаких идей. Ни единого подозреваемого и ни малейшего представления, почему Кристофер вообще оказался на территории Святой Килды. А потом все сошло на нет – все меньше времени, все меньше людей. Никто не заявил бы этого прямо, все-таки жертвой был подросток, но на практике дело закрыли. К настоящему

моменту все документы хранятся в архивах отдела убийств. Рано или поздно до начальства дойдут какие-нибудь скандальные намеки из прессы, дело откопают и подбросят нам, в бар “Последний шанс”.

Холли пригладила лацкан.

– Вы ведь знаете про Криса Харпера, да?

– Да, – кивнул я. – Ты тогда уже училась в Святой Килде?

– Ага. Я там с первого года. А сейчас уже на четвертом.

И опять замолчала, вынуждая меня делать очередной шаг. Один неверный вопрос – и она уйдет, разочарованная во мне: слишком старый, очередной бесполезный взрослый, который не в состоянии ничего понять. Я осторожно прощупал почву:

– Ты живешь в пансионе?

– Да, последние два года. Но только с понедельника по пятницу. На выходные уезжаю домой.

В какой же день это произошло, не помню.

– Ты была в школе в ту ночь, когда это случилось?

– В ночь, когда убили Криса.

Короткая вспышка раздражения. Папина дочка: не выносит, когда ходят вокруг да около, – во всяком случае, когда это делают другие.

– В ночь, когда убили Криса, – согласился я. – Ты была там?

– Там я, естественно, не была. Но в школе – да.

– Ты что-то видела? Или слышала?

Вновь раздраженно, на этот раз куда более выразительно:

– Меня об этом уже *спрашивали*. Следователи. Они допросили нас, не знаю, *тысячу* раз, не меньше.

– Но с тех пор ты могла что-то припомнить, – примирительно сказал я. – Или передумать насчет того, о чем следует промолчать.

– Я не *дура*. И в курсе про все ваши штуки. Забыли? – Она уже готова была развернуться к двери.

Сменим тактику.

– Ты была знакома с Крисом?

Холли успокоилась.

– Постольку-поскольку. Наши школы сотрудничают, поневоле познакомишься. Мы не дружили, ничего такого, просто наши компании зависали вместе пару раз.

– Что он был за человек?

Пожимает плечами:

– Парень как парень.

– Он тебе нравился?

Вновь движение плечами:

– Нормальный.

Дело в том, что я немного знаю папочку Холли. Фрэнк Мэки работает под прикрытием. Столкнешься с ним нос к носу – он увильнет; зайдешь сбоку – ринется в лоб. Я сказал:

– Ты пришла, потому что хотела мне что-то сообщить. Я не намерен играть в угадайку, в которой все равно не смогу победить. Если ты не уверена, что готова говорить, уходи и возвращайся, когда надумаешь. Если все же готова, выкладывай.

Холли явно понравился такой подход. Она едва не улыбнулась в ответ, но просто кивнула.

– Есть такая доска, – сказала она. – У нас в школе. Доска объявлений. На верхнем этаже, напротив художественной мастерской. Ее называют Тайное Место. Если у тебя есть тайна, ну, там, ненавидишь своих родителей, например, или тебе нравится какой-нибудь парень, можешь написать про это на бумажке и прикрепить туда.

Спрашивать зачем, видимо, бессмысленно. Девочки-подростки – понять невозможно. У меня есть сестры. Я давно отучился задавать лишние вопросы.

– Вчера вечером мы с девчонками занимались в мастерской – работали над проектом. Я забыла там наверху свой телефон, но вспомнила про него только после отбоя, поэтому вчера за ним не вернулась. И пошла туда сегодня с утра пораньше, еще до завтрака.

Слишком гладко излагает – не моргнув глазом, ни тени нерешительности. Будь это другая девчонка, я бы сразу сказал, что все это чушь собачья. Но Холли существо опытное, да к тому же у нее такой папаша – с него станется снимать показания всякий раз, стоит ей опоздать вечером домой.

– Я глянула на доску, – продолжала Холли. Наклонилась к своему рюкзаку, открыла. – Просто по пути к мастерской.

Вот оно: рука замерла над зеленой папкой. Она помедлила, не глядя на меня. Волосы, связанные в хвост, упали, скрывая профиль. Занервничала наконец-то. Не такие уж мы холодные и невозмутимые, оказывается. Потом она выпрямилась и вновь встретилась со мной

взглядом, лицо опять непроницаемое. Вытянула руку, вручая мне зеленую папку. И отдернула, едва я коснулся ее, так стремительно, что я едва не выронил.

– Вот это было на доске.

На папке надпись: “Холли Мэки, 4Л, Обществоведение”. Внутри – прозрачный пластиковый конверт. В нем – канцелярская кнопка, свалившаяся в самый угол, и фотография.

Его я узнал гораздо быстрее, чем саму Холли. Это лицо неделями не сходило с первых полос всех изданий и с телевизионных экранов, красовалось во всех полицейских сводках.

Снимок, правда, другой. Парня застигли в момент, когда он обернулся, глядя через плечо. Слегка размытый фон – желтые осенние листья. Весело смеется. Симпатичный. Блестящие каштановые волосы, зачесанные, как у поп-музыканта, но густые, изогнутые книзу брови, делали его похожим на забавного щенка. Кожа чистая, щеки румяные; всего несколько веснушек на скулах, и только. Подбородок, который вполне мог с годами стать мужественным, если бы ему дали время. Широкая улыбка, от которой разбегаются мелкие морщинки вокруг глаз и носа. Немножко нахальный, немножко милый. Юный и все прочее, что всплывает в сознании, когда вы слышите слово “юный”. Летняя влюбленность, герой для младшего брата, пушечное мясо.

А прямо на его голубой футболке, чуть ниже лица, наклеены буквы, вырезанные из книжки, – прилеплены с большими промежутками, как в записках о выкупе. Краешки аккуратные, вырезано тщательно.

Я знаю, кто его убил.

Холли молча смотрела на меня.

Я перевернул конверт. Обычная белая карточка, такую можно купить где угодно, чтобы напечатать свою фотографию, например. Никаких других подписей, ничего.

– Ты это трогала руками? – спросил я.

Выразительно закаченные к потолку глаза.

– Разумеется, нет. Я вернулась в мастерскую, нашла это, – она показала на конверт, – и деревянный ножик. Подцепила ножом кнопку, вытащила, а записку подхватила в конверт.

– Отличная работа. А что потом?

– Спрятала под блузку, а у себя в комнате сунула в папку. Потом сказалась больной и улеглась обратно в кровать. Пришла медсестра, я наплела ей чего-то, а потом смылась потихоньку из школы и явилась сюда.

– Почему?

Холли возмущенно вытаращила глаза:

– Потому что я думала, что вы, парни, захотите *это узнать*. Если вам пофиг, я просто выкину все это к черту и вернусь в школу, пока там не обнаружили, что я сбежала.

– Мне не пофиг. Я просто в восторге, что ты это обнаружила. Мне лишь интересно, почему ты не отнесла карточку учителям или своему отцу.

Короткий взгляд на стенные часы (заодно заметила видеокамеру):

– Черт. Вот и напомнили. На перемене медсестра опять припрется проверить, как я, и если не найдет меня на месте, они там все просто взбесятся. Не могли бы вы позвонить в школу, сказать, что вы мой отец и я сейчас с вами? Типа, мой дедушка помирает, и вы позвонили мне сообщить, а я мгновенно сорвалась, никому ничего не сказав, потому что не хотела, чтобы меня направили к школьному психологу поговорить о моих *чувствах*.

Все предусмотрела, однако.

– Хорошо, я позвоню в школу. Но не собираюсь представляться твоим отцом. (Гневное фырканье Холли.) Я просто сообщу, что ты кое-что передала нам, и поступила очень правильно. Это защитит тебя от лишних расспросов, верно?

– Ну ладно. Но вы хотя бы можете сказать, что мне запрещено обсуждать это с кем бы то ни было? Чтобы они не приматывались?

– Без проблем. – Крис Харпер весело и обаятельно смеется надо мной, в развороте его плеч достаточно энергии, чтобы поднять на ноги пол-Дублина. Я сунул его обратно в папку, закрыл. – Ты кому-нибудь уже рассказала? Может, своей лучшей подружке? Все нормально, даже если так, мне просто нужно знать.

Тень скользнула по тонким скулам Холли, она вдруг стала как-то старше и сложнее, что ли. В голосе тоже появились иные интонации.

– Нет, я никому ничего не говорила.

– О'кей. Сейчас я позвоню в школу, а потом запротоколирую твое заявление. Хочешь, чтобы присутствовал кто-нибудь из твоих

родителей?

Она мгновенно пришла в себя.

– О боже, нет. Что, кто-то обязательно должен тут сидеть? Вы не можете просто так взять и записать?

– Сколько тебе лет?

Она прикинула, не соврать ли. Но отказалась от этой идеи.

– Шестнадцать.

– Нам нужен твой законный представитель, взрослый. Чтобы я тебя не напугал и не смутил.

– Вы меня не смущаете.

Еще бы, черт побери.

– Да, я знаю. Но такие уж у нас правила. Ты побудь пока здесь, налей себе чашечку чаю, если пожелаешь. Я вернусь через пару минут.

Холли плюхнулась на диван. Почти свернулась в клубок: ноги затолкала под себя, руки скрестила. Перебросила хвостик вперед и начала его нервно покусывать. В комнате жарища, как обычно, но ей словно зябко. И даже вслед мне не глянула.

В отделе сексуальных преступлений, двумя этажами ниже, есть дежурный социальный работник. Я вызвал ее, записал показания Холли. Потом, уже в коридоре, спросил эту тетку, не отвезет ли она Холли обратно в Святую Килду, – Холли в благодарность метнула в меня уничтожающий взгляд.

– Так твое школьное начальство убедится, что ты и в самом деле сотрудничаешь с полицией, – пояснил я. – Что это не твой парень им звонил. Меньше мороки.

Она скривила такую физиономию, что любому ясно: слукавить мне не удалось.

Она не спрашивала, что будет дальше, как мы поступим с новой информацией. Понимала, какие у нас правила. Бросила на прощанье:

– До скорого.

– Спасибо, что пришла. Ты действительно правильно поступила.

Холли промолчала. Только улыбнулась уголком рта, отчасти саркастично, отчасти нет.

Я смотрел, как они удаляются по коридору. Холли шествовала с идеально прямой спиной, а социальная тетка семенила рядом, тщетно пытаясь затеять разговор, как вдруг меня осенило: она же так и не

ответила на вопрос. Ловко вильнула в сторону, как заправский роллер, и продолжила в своем направлении.

– Холли.

Она обернулась, поправляя лямку рюкзака. Насторожилась.

– Я тебя уже спрашивал. Почему ты принесла это мне?

Холли изучала меня. Такой взгляд выбивает из равновесия.

Знаете, когда кажется, что портрет следит за тобой.

– Тогда, давно, – сказала она, – весь тот год все словно по минному полю крались. Будто стоит им произнести одно неверное слово, я тут же психану, случится нервный срыв и меня увезут в смирительной рубашке и *с пеной изо рта*. Даже папа – он притворялся, что абсолютно спокоен, но я же видела, что он весь на нервах, постоянно. Это было просто... ну, *aaaarrrrrr!* (Рычащий звук чистой ярости, пальцы судорожно растопырены.) Вы были единственным, кто не вел себя так, будто я в любой момент могу спятить от страха. Вы были просто, типа, ну, *о'кей, это отстой, да, но подумаешь, с людьми случаются истории и похуже, и ничего, все как-то справляются, никто пока не помер от этого. Так что давай побыстрее покончим с этим делом*.

Крайне важно продемонстрировать отзывчивость и участие юному свидетелю. У нас на эту тему проводят семинары и тренинги, даже презентации в Power Point, если повезет. А я просто помню, каково это – быть пацаном. Большинство людей обычно забывают. Легкий намек на сочувствие – чудно. Чуть больше сочувствия – великолепно. Еще больше – и ты уже мечтаешь, как бы вмазать кому-нибудь в кадык.

– Быть свидетелем и вправду противно. Для кого угодно. Но у тебя это получилось лучше многих.

На этот раз в улыбке ни тени сарказма. Нечто иное, много всего, но не сарказм.

– Вы можете объяснить в школе, что я вовсе не напугана? – спросила Холли у социального работника, которая торопливо изображала дополнительное сочувствие, чтобы скрыть недоумение. – Вот прямо нисколечко?

И ушла.

Кое-что важное обо мне: у меня есть планы.

Первое, что я сделал, распрощавшись с Холли и социальной теткой, – отыскал в системе файл с делом Харпера.

Главный следователь: Антуанетта Конвей.

Казалось бы, ну женщина в отделе убийств, что тут скандального. Да вообще ничего особенного, если так подумать. Но большинство ветеранов у нас принадлежит к старой школе – как, впрочем, и большинство молодежи. Равенство – тоненький налет на вековых принципах, поскреби ногтем, и мгновенно сойдет. Ходят сплетни, что Конвей заполучила это местечко, перепихнувшись кое с кем, другие поговаривают, что просто попала в струю. Она и впрямь особенная, не какая-нибудь одутловатая ирландская курносая деревенщина, нет, – смуглая кожа, точеные скулы и нос, иссиня-черные блестящие волосы. Какая досада, что она не в инвалидном кресле, сплетничал народ, а то бы уже стала комиссаром.

Я был знаком, назовем это так, с Конвей задолго до того, как она прославилась. В колледже она была двумя годами младше меня. Высокая девчонка, волосы собраны в тугий хвост. Сложена как бегунья – длинные конечности, длинные мышцы. Подбородок всегда чуть приподнят, плечи отведены назад. Первую неделю вокруг Конвей крутилось много парней – норовили услужить, помочь, познакомиться, быть обаятельными и дружелюбными, и вроде чистая случайность, что другим девчонкам, с рядовой внешностью, почему-то не досталось такого же внимания. Неизвестно, как она их отшила, но уже через неделю парни перестали к ней подкатывать. И принялись поливать ее дерьмом.

Училась двумя годами младше. Перешла из патрульных в следователи годом позже меня. Попала в отдел убийств в то же время, когда меня перевели в Нераскрытые Дела.

Висяки – это в целом неплохо. Просто остроумительно хорошо для такого парня, как я: настоящий дублинский пролетарий, первый из всей семьи сдал выпускные школьные экзамены, получил полноценное среднее образование, а не пошел в техническое училище. К двадцати шести отучился, в двадцать восемь ушел из отдела общих расследований и стал инспектором в полиции нравов – папаша Холли замолвил за меня словечко. В отдел нераскрытых преступлений я попал на той неделе, когда мне исполнилось тридцать, надеясь, что на

этот раз, напротив, обошлось без протекции, но, боюсь, ошибался. Сейчас мне тридцать два. Пора двигаться дальше.

Нераскрытые Дела – это хорошо. Но Убийства – лучше.

Тут отец Холли мне не помощник, даже если бы я попросил. Босс убойного отдела терпеть его не может. От меня он тоже не в восторге.

Взять тот случай, где Холли была свидетелем. Произвел тогда арест я. Я зачитал права, я застегнул наручники, я подписал отчет об аресте. Но в то время я был просто мелкой сошкой на подхвате: обязан передать выше по инстанции любую стоящую информацию, которая мне попала, а потом вернуться в дежурку и как пай-мальчик печатать никчемные показания. Но я все-таки арестовал его сам. Я это заслужил.

Вот еще одна важная моя черта: понимаю, когда выпал мой шанс.

Тот арест, вкупе с поддержкой Фрэнка Мэкки, позволил мне выбраться из общего отдела. Тот арест дал мне шанс попасть в Нераскрытые. И именно тот арест закрыл для меня путь в отдел убийств.

Одновременно со щелчком наручников я услышал щелчок закрывшейся двери. *Вы имеете право хранить молчание*, и я понимал, что попал в черный список тех, кому в обозримом будущем не светит в Убийства. Но если бы я отдал тот арест другому, я бы точно оказался в тупиковом списке навечно приговоренных пялиться в стену дежурного отделения, печатая показания людей, которые ничего не видели и не слышали. *Все, что вы скажете, будет запротоколировано и может быть использовано в качестве доказательства.* Щелк.

Видишь шанс – и цепляешься за него. Я был уверен, что рано или поздно засов отодвинется.

Прошло семь лет, и эта уверенность уже начинала колебаться.

Отдел убийств – это конюшня чистопородных скакунов. Это шик и глянец, легкое поигрывание рельефных мышц, от которого замирает дыхание. Отдел убийств – это тавро на твоём плече, как татуировка элитного армейского подразделения, как гладиаторский знак, это признание на всю жизнь: *один из нас, избранных.*

Я хочу в Убийства.

Можно было бы переслать карточку и показания Холли напрямую Антуанетте Конвей, с соответствующей сопроводительной запиской, – и все, конец истории. А еще лучше было бы позвонить ей в ту же

секунду, как Холли вытащила из папки карточку, и передать Конвей обеих.

Ну уж нет. Это мой шанс – мой единственный шанс.

Второе имя из дела Харпера: Томас Костелло. Старая рабочая лошадка из Убийств. Двести лет в строю, два месяца в отставке. Как только в Убийствах открывается вакансия, я сразу же узнаю. Антуанетта Конвей пока не выбрала нового напарника. Все еще работает в одиночку.

Я пошел к боссу. Он сразу просек, к чему я клоню, и ему понравилась идея – мы таким образом оказывались причастны к громкому расследованию. И прикинул, как это может сказаться на бюджете следующего года. Я ему, конечно, нравился, но не настолько, чтобы тосковать по мне. И он не видел проблемы в том, чтобы направить меня в отдел убийств, дабы вручить Конвей лично поздравительную открытку. Обратного можешь не спешить, посоветовал босс. Если в Убийствах пожелают, чтобы ты у них остался, пускай оставляют.

Понятно, что Конвей я ни к чему. Но она все равно меня получит.

Конвей проводила допрос. Я сел за пустой стол в отделе, потрепался с парнями. Буквально парой слов перекинулся, в Убийствах народ занятой. Входишь туда – и сразу сердце частит. Телефоны звонят, компьютеры щелкают, люди снуют туда-сюда – неторопливо, но очень деловито. Но кое у кого все же нашлась минутка хоть по плечу меня хлопнуть, спросить, что да как. Ищешь Конвей? То-то она целую неделю никому не отрывала яйца – видно, кто-то у нее все же завелся. Правда, не подумал бы, что она по части мужиков. Ты нас всех спас, парень. Прививки сделал? БДСМ-костюмчик надел?

Они тут все чуть старше меня, одеты стильненько. Я усмехался, но все же старался помалкивать.

– Странно, что она связалась с рыжим.

– Ну, у меня хотя бы есть волосы. Никому не нужен лысый хрен вроде тебя.

– У меня дома есть роскошная цыпочка, которая считает иначе.

– Вчера ночью она так не думала.

Помалкивал, короче, более-менее.

Антуанетта Конвей вошла, держа в руках стопку бумаг, захлопнула дверь локтем. Ринулась к своему столу.

Все та же стремительная походка, не отставай или проваливай. Высокая, как я, шесть футов, причем это намеренно: несколько дюймов роста за счет каблучков, наступит – хана вашему пальцу. Черный брючный костюм, недешевый, что там – шикарный, точно по фигуре; ни малейшей попытки скрыть форму длинных ног, изгибы бедер. Всего лишь проходя по отделу, она полудюжиной разных способов словно говорила: *только попробуй вякнуть*.

– Он признался, Конвей?

– Нет.

– Ц-ц. Теряешь хватку.

– Он не подозреваемый, debil.

– И это тебя останавливает? Хороший удар в пах, и дело в шляпе – признание.

Не совсем обычная дружеская перепалка. Напряжение в воздухе, опасные уколы, почти на грани. Не могу сказать, в ней было дело, или просто день такой выдался, или у них в отделе всегда такая обстановка. В Убийствах всё по-другому. Ритм быстрее и безжалостнее, канат тоньше и натянут выше. Один неверный шаг – и тебе конец.

Конвей рухнула в кресло, тут же потянулась к компьютеру.

– Здесь твой дружок, Конвей.

Ноль внимания.

– Что, и миловаться не будете, он даже поцелуйчика не заслужил?

– Что за дерьмо ты несешь, придурок?

Шутник ткнул пальцем в меня:

– Он весь твой.

Конвей наконец меня заметила. Ледяной взгляд, темные глаза, пухлые губы плотно сжаты. Никакого макияжа.

– Ну?

– Стивен Моран. Нераскрытые Преступления. – Я протянул ей конверт с доказательством. Слава богу, что я не один из тех, кто приматывался к ней на курсах. – Вот это попало ко мне сегодня.

Она прочла надпись на фото, не меняя выражения лица. Обстоятельно рассмотрела карточку с обеих сторон, прочла показания.

– Ах, эта, – сказала, добравшись до имени Холли.

– Вы ее знаете?

– Допрашивала ее в прошлом году. Пару раз. Натерпелась по полной. Наглая маленькая стерва. Они все там такие, в этой школе, но она – из худших. С ней говорить как зубы драть.

– Вы считаете, ей что-то известно?

Проницательный взгляд, приподняла лист с показаниями:

– Как ты этого добился?

– Холли Мэкки была свидетелем по делу, с которым я работал в 2007-м. Мы с ней тогда поладили. Даже больше, чем я надеялся, судя по всему.

Конвей приподняла бровь. Она слышала про то дело. Что означало, слышала и обо мне.

– О'кей, – без всякой интонации, – спасибо.

Она развернулась в своем кресле, потыкала в кнопки телефона. Прижала трубку подбородком, откинулась на спинку кресла, перечитывая показания.

Хамка, моя матушка именно так назвала бы Конвей. *Эта ваша Антуанетта* — и косой взгляд исподлобья – *немножко хамовата*. Как бы не о ней лично или не только о ней, в целом о ее происхождении, и все такое. Акцент, взгляд, манеры. Дублин, кварталы бедноты; всего несколько минут ходьбы от тех мест, где я вырос, но в то же время – многие и многие мили. Мрачные многоэтажки. Граффити “под ИРА” и лужи мочи. Мусор. Отбросы общества. Люди, которые в жизни не сдали ни одного экзамена, но до буквы знали все лазейки в схемах начисления социальной помощи и с точностью до тысячных подсчитывали суммы своих пособий. Люди, которые не одобрили бы выбор профессии Конвей.

Некоторым нравится хамство. Им кажется, это круто, это и есть реальная жизнь, а если надо, от него легко избавиться и освоить приличные манеры и культурное произношение. Но хамство не выглядит так уж обаятельно, если вы выросли рядом с ним и вся ваша семья барахталась из последних сил, лишь бы только удержаться на поверхности. Я люблю деликатность, людей спокойных и мягких, мягких как бархат.

Я напомнил себе: вовсе не обязательно становиться лучшим другом Конвей. Достаточно быть просто полезным, полезным настолько,

чтобы попасть в поле ее начальственного радара, и действовать дальше.

– Софи. Это Антуанетта. – Оказывается, когда она говорит с кем-то, ей приятным, голос меняется, становится мягче, в углах рта появляется на-многое-готова улыбочка, она почти кокетничает. Сразу становится моложе, к такой девчонке можно и подкатиться в баре, если набраться смелости.

– Да, хорошо. А у тебя? Слушай... У меня тут для тебя фото... Нет, дело Харпера. Меня интересуют отпечатки, но не могла бы ты заодно проверить и саму фотографию, а? На что снимали, когда, где, на чем распечатана. Все, что сумеешь выяснить. – Она поднесла конверт поближе к глазам. – И на ней наклеены слова. Вырезанные откуда-то, как в письмах про выкуп. Попробуй выяснить, откуда их вырезали, ладно? Да, знаю. Но сотвори для меня чудо. Пока, увидимся.

И повесила трубку. Вытащила из кармана смартфон, сфотографировала карточку: лицевая сторона, обратная, поближе, подальше, детали. Отошла к принтеру в углу, распечатала. Вернулась за стол и недоуменно уставилась на меня.

Я не смутился.

– Ты все еще здесь?

– Я хотел бы работать с вами вместе над этим делом, – ответил я.

Усмешка.

– Не сомневаюсь. – Она уселась обратно в кресло, вытащила из ящика стола еще один конверт.

– Вы же сами сказали, что вам не удалось ничего добиться от Холли Мэкки и ее одноклассниц. Но мне она доверяет, даже симпатизирует, настолько, что принесла мне это. И если она согласилась со мной поговорить, наверняка убедит и своих подружек со мной побеседовать.

Конвей поразмыслила, чуть вращаясь в своем кресле из стороны в сторону.

– Ну что вы теряете? – настаивал я.

Может, акцент сыграл свою роль. Большинство копов родом из маленьких городков, из деревень; никто не любит хитроумных дублинцев, которые считают себя центром вселенной, когда всем известно, что на самом деле пуп земли – их родной Баллигленжопинг.

А может, ей нравилось то, что она обо мне слышала. Как бы то ни было, она написала на конверте имя, сунула внутрь карточку. Сказала:

– Я отправляюсь в школу посмотреть на эту их доску, побеседовать кое с кем. Можешь поехать со мной, если хочешь. Если окажешься полезен, потолкуем, что делать дальше. Если нет – можешь проваливать обратно в свои Нераскрытые Преступления.

У меняхватило ума не завопить “Ура!”, поэтому я произнес лишь:

– Звучит неплохо.

– Тебе не нужно позвонить мамочке и сказать, что не вернешься домой?

– Мой босс в курсе. Нет проблем.

– Отлично, – констатировала Конвей. Решительно отодвинула стул. – Введу тебя в курс дела по дороге. За рулем буду я.

Кто-то тихонько многозначительно присвистнул нам вслед. Сдавленные смешки. Конвей даже не обернулась.

2

В первое воскресенье сентября пансионерки школы Святой Килды возвращаются с каникул. Они возвращаются в школу под ясным голубым небом, и лишь крошечные клинья птичьих стай, мелькающие в самом уголке картины, нарушают ее все еще летнее настроение. Возвращаются, радостно вереща, вопя свои приветы с тремя восклицательными знаками, напрыгивая друг на друга с объятиями в коридорах, пахнущих свежей краской и сонной летней пустотой; возвращаются с облупившимся загаром и летними приключениями, новыми прическами и выросшей грудью, из-за которой сначала кажутся чужими и отстраненными даже закадычным подружкам. И вот уже мисс Маккенна завершила свою приветственную речь; чайники и гостевое печенье убрали; родители разомкнули прощальные объятия и покончили с досадными наставлениями по поводу домашних заданий и сквозняков; несколько первогодок поплакали; последние забытые вещи возвращены на места, шум отъезжающих автомобилей все тише, глуше и, наконец, совсем растворяется в далеком внешнем мире. И все, что осталось, – девочки-пансионерки, кастелянша, пара сотрудниц, которым не повезло в первый же день вытянуть короткую соломинку, и собственно школа.

На Холли навалилось столько новостей и новых ощущений, что ей остается только держаться, сохранять непроницаемое лицо и надеяться, что рано или поздно она привыкнет. Она проволочла чемодан по плитке незнакомых коридоров жилого крыла в свою новую спальню; жужжание колес эхом разносилось под высокими потолками. Повесила на свой крючок желтые полотенца, расстелила на своей кровати одеяло в желто-белую полоску, все еще хранящее запах пластиковой упаковки и аккуратные фабричные складки. Их с Джулией кровати стоят у окна, Селена с Беккой все-таки позволили им выбрать. Отсюда, через стекло, под новым углом, территория школы выглядит по-другому: таинственный сад, полный укромных закутков, которые можно исследовать и использовать, если ты достаточно проворна.

Даже столовая выглядит иначе. Холли привыкла видеть ее в обеденные часы, бурлящую народом, трескотня и толчея, все перекрикиваются через столы, одной рукой едят, другой строчат эсэмэски. А в первый день ко времени ужина суэта уже иссякла, девчонки сбиваются в маленькие кучки между длинными рядами пустых столов, лениво ковыряются в салате и фрикадельках, и в воздухе висит невнятное бессмысленное бормотание. Свет мягче, чем во время обеда, и почему-то вечером столовский запах гораздо сильнее, запах тушеного мяса и уксуса, нечто среднее между аппетитным и тошнотворным.

Впрочем, не все тихо бормочут себе под нос. Джоанна Хеффернан, Джемма Хардинг, Орла Бёрджесс и Элисон Малдун сидят через два стола от них, но Джоанна считает само собой разумеющимся, что все окружающие просто мечтают услышать каждое слово, исходящее из ее уст, и даже если это не так, большинство предпочитает с ней не связываться.

– Ну привет, это же написано в “Элль”, ты что, не читала? Это должно быть ваще обалденно, и, слушай, без обид, Орл, но согласись, тебе бы очень пригодился офигенный эксфолиатор!

– О боже. – Джулия морщится и выразительно потирает ухо, обращенное в сторону Джоанны. – Надеюсь, за завтраком она так не орет. А то я с утра не человек.

– А что такое эксфолиатор? – интересуется Бекка.

– Такая штука для кожи, – поясняет Селена. Джоанна и ее подружки используют каждый совет модных журналов по поводу того, что нужно делать с кожей, волосами и целлюлитом.

– Звучит как название удобрения.

– Как оружие массового поражения, – уточняет Джулия. – А они – армия дроидов-пиллеров, выполняющих приказы властелина. Эксфолилируем всё!

Она произносит это металлическим голосом дáлека^[2], достаточно громко, чтобы Джоанна и компания резко обернулись, но к тому моменту Джулия уже цепляет на вилку пару фрикаделек и спрашивает Селену, не напоминает ли ей эта картинка вареные глазные яблоки, словно и думать не думает о Джоанне. Ледяной взгляд Джоанны обшаривает зал; затем она отворачивается к своей тарелке, тряхнув гривой так, будто она звезда и ее снимают папарацци.

– Эксфолируем всё, – гудит Джулия, а потом продолжает обычным голосом как ни в чем не бывало: – Да, Хол, я все хотела спросить, твоя мама нашла те сетки для стирки?

Подруги давятся смехом.

– Извините, – гневно рявкает Джоанна. – Вы что-то мне *сказали*?

– Они у меня в чемодане, – отвечает Холли. – Когда разберу вещи, я... Кто, я? Ты меня спрашиваешь?

– Да неважно, кого угодно. Какие-то проблемы?

Джулия, Холли и Селена смотрят абсолютно невинно. Бекка набила полный рот картошки, чтобы скрыть свой страх, помноженный на восторг, и не расхохотаться в голос.

– Фрикадельки отстойные? – высказывает предположение Джулия.

И мгновение спустя – хохот.

Джоанна тоже смеется, а вслед за ней и прочие Далеки, но глаза остаются все такими же ледяными.

– Смешная ты.

Джулия морщит нос:

– О-о-о, благодарю. Я старалась!

– Хорошая мысль, – замечает Джоанна, – продолжай стараться. – И возвращается к своему ужину.

– Эксфоли...

На этот раз Джоанна почти поймала ее. Селена поспекает вовремя:

– У меня есть запасные сеточки, если вам нужно, девчонки. – Лицо сводит от сдерживаемого смеха, но она повернулась спиной к Джоанне, а голос спокойный и уверенный, никакого намека на веселье. Лазеры Джоанны сканируют окружающее пространство в поисках наглеца.

Бекка чересчур поспешно забрасывала в себя еду и в результате вдруг оглушительно громко рыгает. Она смущенно вспыхивает, но зато трем остальным подругам это дает долгожданный повод: они заходятся от смеха, утыкаясь головами друг в друга и едва не падая под стол.

– Боже правый, – высокомерно поджимает губы Джоанна, – ты просто омерзительна.

Она отворачивается, и вся ее отлично натасканная банда немедленно следует примеру атаманши, синхронно отвернувшись и поджав губки. Что вызывает новый взрыв хохота. Джулия давится

фрикаделькой, краснеет и кашляет в салфетку, а подружки сползают со стульев, изнемогая от смеха.

Когда веселье в конце концов стихает, до них вдруг доходит осознание собственной дерзости. Прежде они старались ладить с Джоанной и ее компанией – весьма благоразумно.

– Что это было? – тихонько спрашивает Холли у Джулии.

– Что? Если бы она не перестала завывать насчет этого тупого “ухода за кожей”, у меня бы барабанные перепонки расплавились. И вот, пожалуйста – сработало.

Далеки съежились над своими подносами, бросая по сторонам подозрительные взгляды и демонстративно понизив голоса.

– Но ты ее почти взбесила, – шепчет Бекка, испуганно выкатив глаза.

– И что? – пожимает плечами Джулия. – Что она мне сделает, расстреляет? Где написано, что я должна терпеть эту стерву?

– Просто расслабься, и все, – советует Селена. – Если хочешь войны с Джоанной, у тебя впереди целый год. Нет нужды портить сегодняшний вечер.

– Да что такого-то? Мы вроде никогда и не были подругами?

– И врагами мы тоже никогда не были. А теперь тебе ведь придется жить рядом с ней.

– Вот именно. – Джулия разворачивает поднос, чтобы удобнее было дотянуться до фруктового салата. – Похоже, меня ждет веселый год.

За высокой стеной, тенистой улицей и еще одной высокой стеной воспитанники школы Святого Колма тоже вернулись с каникул. Крис Харпер бросил на кровать свое красное одеяло, развесил одежду в своем отделении гардероба, напевая непристойную версию школьного гимна новообретенным низким хрипловатым голосом, и радостно улыбнулся, когда соседи по комнате подхватили песню, дополнив ее соответствующими жестами. Прилепил пару постеров над кроватью, поставил на тумбочку новое семейное фото, завернул в старое драное полотенце многообещающий пластиковый пакет и засунул его поглубже в чемодан, а чемодан затолкал на гардероб. Оценил в зеркале, как свисает челка, и помчался на ужин с Финном Кэрроллом и Гарри Бейли. Все трое орут, нарочито громко хохочут, дружески

подталкивают друг друга, хватая за руки, проверяя, кто стал сильнее по итогам прошедшего лета. Крис Харпер полностью готов к новому учебному году, дожидаться не может начала; у него масса планов.

Жить ему остается восемь месяцев и две недели.

– Итак, что дальше? – спрашивает Джулия, когда они покончили с фруктовым салатом и отнесли свои подносы на стойку. Из загадочных глубин кухни доносится позвякивание посуды и перепалка на неизвестном языке, вероятно польском.

– Что угодно, – отзывается Селена. – Пока не засадят за уроки, есть время прошвырнуться в торговый центр или, если парни из Колма играют в регби, можно сходить посмотреть. Но до следующих выходных нам нельзя покидать территорию школы. Так что остается общая гостиная или...

Она уже направляется к выходу, и Беккас с ней. Холли и Джулия спешат следом.

Все еще светло. Школьная территория – это сплошная зелень, тянущаяся вдаль. Вплоть до нынешнего момента парк был зоной, куда Холли и Джулии ходить не полагалось; не то чтобы строжайше запрещено, нет, но девочки, не жившие в пансионе, могли попасть туда только во время обеда, а на это никогда нет времени. Но сейчас перед ними словно отодвинулась стена из матового стекла: цвета ослепительны, каждая птичка поет собственную неповторимую песню, тени в кронах деревьев кажутся глубокими и прохладными, как колодцы.

– Вперед, – командует Селена и мчится по газону, словно он принадлежит лично ей. Бекка следом. Джулия и Холли бросаются вдогонку, в это зеленое буйство.

За железной калиткой, в гуще деревьев внезапно обнаруживается переплетение аллей и тропок, о которых Холли и не подозревала прежде. Солнечные блики, трепет листьев, сплетающиеся над головой ветви, взгляд выхватывает лиловые брызги цветов – трудно поверить, что всего в двух шагах от этого великолепия проходит автомобильная трасса. Впереди чуть в стороне – темная коса Бекки и золотистые локоны Селены, взметнувшиеся синхронно, когда они разом поворачивают к небольшому холмику за аккуратными шарами кустов, подрезанных неведомыми эльфами-садовниками, а потом обратно – из

пятнистых зарослей на яркое солнце. Холли даже приходится на миг прикрыть ладонями глаза.

Полянка совсем маленькая, просто кружок стриженной травы в кольце высоких кипарисов. Здесь даже воздух абсолютно иной, прохладный и неподвижный. Звуки сюда проникают – ленивое воркование горлицы, жужжание насекомых, спешащих куда-то по своим насекомым делам, – и растворяются, не оставляя ряби в эфире.

Селена, слегка запыхавшись, произносит:

– А еще можно посидеть тут.

– Вы нас никогда раньше не приводили сюда, – говорит Холли. Селена и Бекка переглядываются и молча пожимают плечами. На миг Холли чувствует себя почти преданной – Селена и Бекка живут в пансионе уже два года, но ей никогда прежде не приходило в голову, что у них могут быть свои секреты, – однако тут же понимает, что теперь и она посвящена в общую тайну.

– Иногда кажется, что вот-вот сойдешь с ума, если не найдешь местечка, где можно спрятаться, – поясняет Бекка. – Мы обычно приходим сюда.

Она плюхается на траву, по-паучьи переплетя тонкие ноги, и встревоженно смотрит снизу вверх на Холли и Джулию, крепко стиснув руки, как будто вручила им эту полянку в качестве приветственного подарка и не уверена, что угодила.

– Потрясающе, – ахает Холли. Она вдыхает аромат скошенной травы, свежей влажной земли; вот след кого-то дикого – кажется, здесь проходит звериная тропа – от одного ночного лежбища до другого. – И никто больше здесь не бывает?

– У всех свои местечки, – объясняет Селена. – И мы туда не суемся.

Джулия оборачивается, провожая взглядом птиц, кружащих в небе и выстраивающихся в свои клинья.

– Мне нравится, – говорит она. – Очень нравится. – И усаживается на траву рядом с Беккой. Бекка радостно улыбается и с облегчением выдыхает, руки ее расслабляются.

Они растянулись на травке, подвинувшись, чтобы солнце не слепило глаза. Трава густая, плотная и блестящая, как мех диковинного зверя, на ней приятно лежать.

– Боже, эта речь Маккенны, – ворчит Джулия. – “Ваши дочери уже получили прекрасный старт в жизни, поскольку сами вы такие

образованные и культурные, и ведете здоровый образ жизни, и вообще супер что такое во всем вообще, и мы счастливы иметь возможность продолжить вашу блестящую работу по воспитанию следующего поколения”, и передайте пакетик, мне надо сблевнуть.

– Она каждый год произносит одну и ту же речь, – замечает Бекка. – До последнего слова.

– В первый год папа едва не увез меня сразу же домой из-за этой речи, – сообщает Селена. – Потому что это элитизм.

Отец Селены живет в какой-то коммуне в Килкенни и носит пончо ручной работы. Килду выбрала ее мама.

– Мой папа тоже так думает, – говорит Холли. – У него это было на лице написано. Я боялась, что он отпустит какую-нибудь шуточку, когда Маккенна закончила, но мама наступила ему на ногу.

– Да, это элитизм, – соглашается Джулия. – И что? В элитизме нет ничего дурного. Одни вещи лучше других вещей, а если прикидываешься, что это не так, ты вовсе не человек широких взглядов, а просто козел. Меня лично тошнит от другого, от того, как она подмазывается к родителям. Как будто мы все – *продукты* жизнедеятельности родителей, и Маккенна гладит их по головке и рассказывает, как хорошо они *поработали*, а они виляют хвостиками и лижут ей руку, только что не писаются от восторга. Да откуда ей знать? А что, если мои родители за всю жизнь не прочли ни одной книжки и кормили меня исключительно жареными батончиками “Марс”?

– Ей пофиг, – говорит Бекка. – Она просто хочет, чтобы они не переживали, что потратили кучу денег на то, чтоб от нас отделаться.

Повисает молчание. Родители Бекки работают в Дубае. Они даже сегодня не появились, Бекку привезла экономка.

– Хорошо, что вы здесь, – говорит Селена.

– Все еще не до конца верится, – признается Холли, и это только часть правды, но лучше, чем ничего. Ощущение реальности накатывает мимолетными вспышками между долгими периодами мутной отстраненности, белого шума, но эти вспышки достаточно яркие, чтобы затмить иные реальности в ее сознании, и тогда ей кажется, что она всю жизнь провела только здесь и не видела ничего другого. А потом все опять исчезает.

– А мне – так напротив, – вздыхает Бекка. Она улыбается, глядя в небо, и в голосе уже не слышно скрытой боли.

– Все наладится, – успокаивает Селена. – Просто нужно время.

Девчонки валяются на полянке, ощущая, как их тела мягко тонут в траве, как внутренние ритмы сливаются с пространством вокруг: *тинк-тинк-тинк* неведомой птицы, медленным скольжением солнечного луча сквозь кроны кипарисов. Холли пролистывает минувший день, как делала всякий раз, возвращаясь на автобусе домой из школы, выбирая фрагменты для пересказа: забавные эпизоды с довольно смелыми намеками для папы, что-нибудь, чтобы порадовать маму или – если Холли разругалась с ней, что в последнее время было почти ежедневно – чтобы вызвать ее возмущенное: *Боже правый, Холли, как вообще можно такое произносить...* а Холли при этом уныло закатывает глаза. Вдруг она понимает, что всего этого уже не будет. Картины каждого дня больше не обретут форму папиной усмешки или маминой приподнятой брови, все кончилось.

Сейчас ее дни будут определять другие люди. Холли смотрит на них и ощущает, как все изменилось сегодня, именно сегодняшней день она будет вспоминать и через двадцать лет, и через пятьдесят – день, когда Джулия сцепилась с Далеками, день, когда Селена и Бекка привели их с Джулией на поляну среди кипарисов.

– Нам, пожалуй, пора, – произносит Бекка, не шелохнувшись.

– Рано еще, – отзывается Джулия. – Ты же сказала, мы можем делать что хотим.

– Можем. В основном. Но по поводу новеньких они волнуются, им надо, чтобы все постоянно были у них на виду. Как будто иначе вы могли бы сбежать.

Они тихонько смеются. И Холли опять охватывает чувство реальности настоящего – шумный гусиный клин, вытянувшийся высоко в небе, ее собственные пальцы, утопающие в прохладном травяном ворсе, трепет ресниц Селены под ярким солнцем, и словно это – навечно, а все прочее – мираж, тающий на горизонте. На этот раз ощущение длится дольше.

Через несколько минут Селена говорит:

– Вообще-то Бек права. Пора идти. Если нас начнут искать...

То есть если кто-то из учителей придет на их поляну. Одна эта мысль пронзает позвоночник, подбрасывая их на ноги. Девочки тщательно отряхивают друг друга; Бекка выбирает зеленые травинки из волос Селены, поправляет ей прическу.

– Ладно, мне же еще надо разобрать вещи, – соглашается Джулия.

– Мне тоже, – вспоминает Холли. И представляет жилое крыло, высокие своды, под которыми скоро зазвучат нежные надмирные песнопения монахинь. Словно кто-то новый встал у кровати, накрытой желто-полосатым одеялом, дожидаясь своего часа: новая она; новые все они. Она чувствует, как перемены просачиваются сквозь кожу, вплетаются в пространство между атомами ее тела. Внезапно она понимает, зачем Джулия дразнила Джоанну за ужином. Сама она тоже изо всех сил сопротивлялась этому сбивающему с ног потоку, доказывая, что может сама решать, отдаваться ли ему, прежде чем он сомкнется над головой и унесет прочь.

Помни, что ты можешь вернуться домой в любой момент, когда захочешь, повторил отец в восьмидесятитысячный раз. Днем или ночью. Один телефонный звонок – и я буду у тебя в течение часа. Поняла?

Да я все поняла, я знаю, спасибо, в восьмидесятитысячный раз ответила Холли, если я передумаю, я позвоню тебе и сразу же вернусь домой. Но вплоть до настоящего момента ей не приходило в голову, что, возможно, все не так просто.

3

Она любила машины, эта Конвей. И разбиралась в них. На парковке напрямик направилась к винтажному черному MG, абсолютно роскошному. Гордость и отрада своего предыдущего владельца, он достался полицейскому управлению в наследство от одного из ушедших на пенсию детективов. Парень, который заведовал гаражом, не подпустил бы Конвей к машине и на пушечный выстрел, если бы она не знала, что делает. “Извините, детектив, трансмиссия барахлит, как насчет воон того очаровательного “фольксвагена”?..” Но стоило ей взмахнуть рукой, он тут же бросил ей ключи.

С MG она обращалась как с любимым скакуном. Мы двинулись на юг, в фешенебельные районы. Конвей срезала углы в лабиринте улочек и ожесточенно давила на клаксон, когда пешеходы не успевали убраться с дороги достаточно быстро.

– Давай-ка сразу кое-что решим, – сказала она. – Это мое шоу. Есть проблемы с тем, чтоб получать приказы от женщины?

– Нет.

– Все так говорят.

– Я серьезно.

– Хорошо. – Она резко затормозила у кафе стремного вида, типа веганское, окна сто лет не мыли. – Принеси мне кофе. Черный, без сахара.

Мое эго не отличается хрупкостью и не развалится от отсутствия ежедневной разминки. Резво выскакиваю, два кофе с собой, даже заработал улыбку от грустной официантки.

– Пожалуйста, – сказал я, усаживаясь на пассажирское сиденье.

Конвей отхлебнула глоток.

– Дерьмовый вкус.

– Вы сами выбрали место. Хорошо, если не соевый.

Надо же, почти улыбнулась, но в последний момент все же сдержалась.

– Такой и есть. Выкидывай оба, не хочу, чтоб машина провоняла.

Урна была на другой стороне дороги. Опять наружу, аккуратно через оживленный поток, урна, через поток машин обратно на свое

место. Начинаю понимать, почему Конвей все еще работает одна. Втопила педаль газа, прежде чем я успел захлопнуть дверь.

– Итак, – начала она. Вроде немного оттаяв, совсем немного. – Про дело знаешь? Хотя бы в общих чертах?

– Да.

В общих чертах про него знали даже уличные собаки.

– Значит, тебе известно, что мы никого не взяли. А почему? Что говорят насчет этого?

Слухов ходило много. Я же просто сказал:

– С некоторыми делами такое случается.

– Мы в тупике, вот почему. Знаешь, как бывает: есть место преступления, есть свидетели какие-никакие, про жизнь жертвы кое-что известно, и во всем этом надо найти зацепку. Но здесь ни хрена мы так и не нашли. – Конвей углядела в соседнем ряду просвет, которого хватило бы разве что мопеду, и резко крутанула руль, встраиваясь. – Если коротко, ни у кого не было причин убивать Криса Харпера. По всему выходит, что хороший был парень. Так, конечно, всегда говорят, но в этот раз, похоже, не врут. Шестнадцать лет, четвертый год в школе Святого Колма, живет в пансионе, местный, но его папаша решил, что сынок не получит *всех преимуществ, которые дает обучение в школе Святого Колма*, если не будет жить в пансионе. Такие места, они ведь в основном нужны, чтоб заводить связи; подружись с правильными людьми в Колме – и работать меньше чем за сотню штук в год не придется уже никогда. – Конвей скривила губы, демонстрируя, что она думает на этот счет.

– Толпа подростков в замкнутом помещении, всякое случается. Травля, например. Ничего такого, нет?

Через канал – и в Ратмайнс.

– Абсолютно. Крис был популярным парнем, куча друзей, никаких врагов. Пара драк, но для мальчишек его возраста это нормально; ничего серьезного, ничего, что нам помогло бы. Подружки не было, по крайней мере официально. Три бывших – рано они теперь начинают, – но никакой “настоящей большой любви”, пара свиданий с обнимашками в кино, и разбежались; все расставания – больше года назад и без обид с любой стороны, насколько мы смогли выяснить. С учителями он тоже ладил. Колобродил иногда, но скорее от избытка энергии. Мозги средненькие, не гений, но и не идиот; не усерднее

прочих, но и не лентяй. С родителями не ссорился и вообще виделся нечасто. Одна сестра, гораздо младше, с ней тоже отношения нормальные. Мы всех как следует прижали – не потому что рассчитывали что-то найти, просто других вариантов не было. И ничего. Ни намёка даже.

– Дурные привычки?

Конвей покачала головой:

– Тоже мимо. Приятели говорят, он изредка курил на вечеринках, и не только табак, а если удавалось раздобыть алкоголь, то бывало, что напивался вдрызг, но на момент смерти был кристально трезв. И следов наркотиков тоже не нашли, ни в организме, ни в вещах. Никаких азартных игр. В истории браузера на домашнем компьютере есть пара порносайтов – а чего еще ждать от подростка? Насколько мы смогли установить, самые страшные его грехи – изредка затяжка-другая травы и порно в интернете.

Лицо у нее было спокойным. Брови чуть насуплены, вся сосредоточена на дороге. Казалось, ей совершенно безразлично, что ни хрена они так и не нашли: так случилось, не повезло, нечего расстраиваться.

– Ни мотива, ни зацепок, ни свидетелей. Со временем мы начали гоняться за собственной тенью, допрашивали одних и тех же людей раз за разом. С одним и тем же результатом. А у нас были и другие дела, мы не могли себе позволить несколько месяцев бессмысленно колотиться лбом о стену. Так что я в конце концов закрыла это дело. Положила под сукно в надежде, что рано или поздно произойдет что-нибудь вроде сегодняшнего.

– Как вы оказались главным следователем? – спросил я.

Конвей плотнее нажала на педаль.

– В смысле, как такой пигалице дали такое большое дело? Надо ей было заниматься домашним насилием, да?

– Нет. Я имел в виду, что вы же новичок.

– И что? Хочешь сказать, мы поэтому ничего не нашли?

Значит, все-таки не безразлично. Скрывает, достаточно хорошо, чтоб парни на работе не догадались, но ей вовсе не все равно, еще как не все равно.

– Нет, я пытаюсь сказать...

– Потому что иди в жопу. Можешь сваливать прямо сейчас, в автобус и домой в свои Висяки.

Не держи она руль, наверняка уже тыкала бы пальцем мне в физиономию.

– *Нет.* Я пытаюсь сказать, что с таким делом – подросток, элитная школа – в вашем отделе должны были догадаться, что шума будет много. Костелло был старше по званию. Почему он не взял его себе?

– Потому что я его заслужила. Потому что он знал, что я хороший, мать твою, детектив. Усвоил?

Стрелка спидометра продолжала ползти вверх, далеко за разрешенный предел.

– Усвоил, – быстро согласился я.

Повисла тишина. Конвей чуть снизила скорость, но лишь чуть. Мы добрались до Тереньюр-роуд; когда поток машин поредел, MG показал, на что способен. Выдержав паузу, я сказал:

– Эта машина – настоящая красавица.

– Водил такую?

– Пока не приходилось.

Снова кивок, как будто я только что подтвердил сложившееся обо мне мнение.

– В таком месте, как Святая Килда, надо себя показать, произвести впечатление. – Она неопределенно взмахнула рукой у себя над головой. – Добиться уважения.

Это многое мне сказало об Антуанетте Конвей. Что до меня, я бы взял старенький “поло” с хорошим пробегом, такой, на котором даже многочисленные слои краски не скрывают всех вмятин. Приходишь к людям таким бестолковым неумехой, пятое колесо в телеге, – и они сразу расслабляются, теряют бдительность, есть шанс застать их врасплох.

– Такое, значит, место, да?

Она опять скривилась:

– Срань господня. Думала, они погонят меня в санобработку, чтобы избавиться от акцента. Или выдадут форму горничной и укажут на черный ход для прислуги. Знаешь, сколько там дерут за обучение? *Начиная* с восьми штук в год. И это без проживания и без всяких *внеклассных занятий*. Хор там, пианино, театр. У тебя такое в школе было?

– Ну, мы играли в футбол на школьном дворе.

Это Конвей понравилось.

– Была там одна овца. Я ее вызываю на допрос, а она мне выдает: “Ну-у, я вообще-то *сейчас* не могу, у меня же урок кларнета через пять минут?” – Она вновь усмехнулась углом рта. Что бы она ни сказала несчастной девчонке, это определенно было приятно вспомнить. – Допрашивали ее целый час. Не выношу такое.

– А школа? – спросил я. – Снобистская, но хорошая, или просто снобистская?

– Даже если в лотерею выиграю, своего ребенка туда не пошлю. Но... – Она дернула плечом. – Маленькие классы. Куча наград с научных олимпиад и призы юным исследователям. У всех отличные зубы, никто не залетает, и все эти гладкие породистые сучки потом толпами поступают в колледж. Так что, наверное, неплохая, если ты не против, чтоб твой ребенок превратился в заносчивый кусок дерьма.

– Отец Холли – коп. Дублинец. Из Либертис.

– Я в курсе. Думаешь, могу такое не заметить?

– Он бы ее туда не послал, если б думал, что сделает из дочери заносчивый кусок дерьма.

Конвей остановилась на светофоре. Зажегся зеленый, и она тут же рванула с места.

– Ты ей нравишься? – спросила она.

Я едва не рассмеялся.

– Она же ребенок. Ей было девять, когда мы познакомились, десять, когда дело пошло в суд. С тех пор, вплоть до сегодняшнего дня, я ее не видел.

Конвей бросила на меня взгляд, который ясно говорил, что ребенок в этой ситуации скорее я.

– Ты не поверишь... Вообще она как, врет?

Я задумался.

– Мне не врала. По крайней мере, я ее на этом не ловил. Хорошая была девчонка.

– Она врет, – отрезала Конвей.

– В чем?

– Не знаю. Я ее тоже не поймала. Может, мне она не врала. Но девчонки в этом возрасте вруньи. Все.

Я подумал, не посоветовать ли ей, чтобы в следующий раз приберегла вопросы с подвохом для подозреваемых, но вместо этого сказал:

– Мне пофиг, врунья она или нет, если мне не врет.

Конвей переключила передачу. МГ это явно понравилось.

– Скажи-ка, – продолжила она, – а что твоя дорогая Холли говорит про Криса Харпера?

– Немного. Просто парень. Видела его пару раз.

– Понятно. Думаешь, правда?

– Пока не решил.

– Как решишь, сообщи. Мы вот почему обратили внимание на Холли и ее компанию. Их там четыре девицы: Холли Мэки, Селена Винн, Джулия Харт и Ребекка О’Мара. Подружки не разлей вода, по крайней мере были. Вот так, – она продемонстрировала крепко скрещенные пальцы. – Их одноклассница, Джоанна Хеффернан, показала, что наша жертва встречалась с Селеной Винн.

– Потому он и полез в Килду? На свидание?

– Ага. И вот еще что – учти, прессе мы этого не говорили, так что смотри не проболтайся, – у него в кармане был презерватив. И ни хрена больше, ни кошелька, ни телефона – они остались в комнате, – только презерватив. – Конвей наклонила голову в сторону, крутанула руль и обогнала ползущий впереди, как улитка, “фольксваген”, проскочив прямо перед носом у грузовика. Грузовик остался недоволен.

– Иди на хрен, будет еще на меня наезжать... А на теле были цветы. Об этом мы тоже не сообщали. Гиацинты – такие голубые, с завитками, сильный сладкий запах, знаешь? Четыре цветка. Со школьной клумбы рядом с местом преступления, так что их мог положить и убийца, но... – она пожала плечами, – парень в школе своей подружки посреди ночи с презервативом и цветами? Нетрудно догадаться, на что он рассчитывал.

– А школа точно основное место преступления? Его не притащили туда уже мертвым?

– Не. Башку ему ударом разнесло еще как, до хрена кровищи. Судя по луже крови, наши эксперты установили, что он после удара лежал на одном месте. Его не переносили, и сам не пытался ползти за

помощью, даже рану не трогал – на руках крови не было. Просто БАМ! – она щелкнула пальцами. – И все, кранты ему.

– А Селена Винн сказала, что никаких планов на вечер у них не было, – догадался я.

– Точно. И остальные три подружки подтвердили. Селена не собиралась с ним на свидание, они вообще не встречались, просто знакомые. Их прямо шокировало, что мы вообще такое предположили. – В голосе Конвей появились жесткие нотки. Девчонки, похоже, ее не убедили.

– А приятели Криса Харпера что говорят?

Она фыркнула.

– В основном “э-э-э, ну я, типа, не знаю”. Шестнадцатилетние пацаны. Проще сходить в зоопарк и попробовать допросить полный вольер шимпанзе. Один вроде разумный, произносил целые фразы – Финн Кэрролл, – но ему тоже особенно нечего было сказать. Они же не сидят по полночи за душевными разговорами, в отличие от девчонок. Говорят, что Селена Крису нравилась, да, но ему нравилась куча девиц, и он им нравился. Насколько им известно, ничего такого между Крисом и Селеной не было.

– Есть повод сомневаться? Что-нибудь в их телефонах или в фейсбуке?

Конвей покачала головой:

– Ни звонков, ни переписки. Фейсбук есть, конечно, у всех, но те, кто живет в пансионе, обычно пользуются им только на каникулах: обе школы заблокировали все социальные сети на своих компьютерах и запретили смартфоны. Не дай боже малышка Филиппа сбежит с каким-нибудь извращенцем из интернета. Или того хуже, сбежит малыш Филипп. Ты представь, сколько у них родители отсудят.

– То есть у нас только информация от Джоанны Хеффернан.

– У Хеффернан не было никакой конкретной *информации*. Только “ну, и я видела, как он на нее посмотрел, и она на него посмотрела, и еще он ей что-то сказал как-то раз, и, в общем, они точно трахались”. Ее подружки божатся, что так все и было, но от них другого и не ждешь. Мерзкая сучка эта Хеффернан. Вокруг нее тусуются крутые детишки, а она у них за главную, вроде атаманши. Остальные ее боятся. Чуть моргнут не так – и все, она их разом вышибет из

избранного круга, а потом будет до конца школы доставать вместе со своими прихвостнями. Потому говорят только то, что велено.

– А Холли и ее компания? Тоже крутые?

Конвей уставилась на очередной красный сигнал светофора, постукивая пальцами по рулю в ритме мигающего поворотника.

– Скорее сами по себе, – проговорила она наконец. – Не заводилы и не из тусовки Хеффернан. Но при этом Хеффернан к ним особо и не приматывается. Она, конечно, при первой возможности подставила Селену, чуть труссы не намочила от восторга, но напрямую она к ним не лезет. Они, может, и не на самой верхушке местной иерархии, но довольно высоко.

Заметила усмешку на моем лице.

– Чего?

– Вы так рассказываете, будто эти девчонки – бандитки из трущоб Лос-Анджелеса, с бритвами, спрятанными в волосах.

– Похоже, – согласилась Конвей, уводя MG с главной дороги. – Почти то же самое.

Дома здесь были посolidнее и стояли подальше от дороги. Большие машины, блестящие и новенькие, редкое зрелище в последние годы. Повсюду автоматические ворота. В одном из садов даже что-то вроде скульптуры из бетона, похожее на ручку от кружки, но высотой футов пять.

– Так вы подозревали Селену? Или кого-нибудь ревнивого, с той или с другой стороны?

Конвей слегка сбросила скорость, но для жилого района все равно не достаточно. Задумалась.

– Нет, пожалуй, Селену я не подозревала. Увидишь сам. Я бы не сказала, что она способна на такое. Хеффернан жутко ей завидует – Селена вдвое симпатичней, – но и ее я не подозревала. Я даже не сказала бы, что поверила ей. Но что-то такое там было. Не пойму что.

Вот, кажется, почему она взяла меня с собой. Что-то такое на периферии поля зрения, ускользнувшее от нее при взгляде в упор. Костелло тоже не смог вычислить, что же это такое. Конвей решила, что свежий взгляд – мой, например, – поможет.

– Девочка-подросток вообще могла это сделать? Физически?

– Да, без проблем. Орудием убийства – и об этом мы тоже не сообщали – оказалась мотыга из сторожки садовника. Один удар –

череп сразу треснул – прямо в мозг Криса Харпера. Ребята из лаборатории говорят, что, учитывая острое лезвие и длинную ручку, усилие потребовалось совсем небольшое. Так что школьница вполне бы справилась, если как следует размахнуться.

Я начал было задавать следующий вопрос, но Конвей вдруг свернула с дороги – резко, не поморгав поворотником. Я чуть не пропустил въезд на территорию школы: высокие чугунные ворота, каменная сторожка, железная арка над воротами с надписью “Колледж Святой Килды” золотыми буквами. За воротами Конвей затормозила. Дала мне осмотреться.

Подъездная дорожка из белоснежного гравия тянулась широким полукругом вдоль пологого склона, покрытого аккуратно подстриженным газоном, который простирался куда-то за горизонт. На вершине холма стояла школа.

Когда-то это было чье-то родовое гнездо, поместье, с грумами, удерживающими поводья гарцующих лошадей, с дамами в корсетах, под ручку фланирующими по лужайке. Двести лет, больше? Длинное здание из светло-серого камня, три высоких этажа, больше дюжины окон по фасаду. Портик поддерживали тонкие колонны с волютами капителей. На крыше балюстрада, изящные точеные колонки которой напоминали вазы. Идеально, ничего не скажешь; каждый дюйм выверен, все гармонично. Солнечный свет медленно растекался по зданию, как масло по тосту.

Мне, наверное, полагалось возненавидеть это место с первого взгляда, с моей-то государственной школой в обшарпанном панельном здании. Когда каждую зиму вырубалось отопление, приходилось в классе сидеть в куртках, географические карты прикрывали пятна плесени на стенах, а любимым развлечением было на спор потрогать дохлую крысу в туалете. Может, при взгляде на это здание мне положено испытать необоримое желание навалить кучу в портике.

Оно было красивым. Я люблю красивое. Всегда любил. Никогда не понимал, почему положено ненавидеть то, о чем можешь только мечтать. Люби сильнее. Работай, подбирайся ближе к своей мечте. Хватай и держи крепче, изо всех сил. Пока не придумаешь, как заполучить навсегда.

– Полюбуйся. – Конвей прищурилась, откинувшись на спинку кресла. – Вот только в такие моменты я и жалею, что стала копом.

Когда вижу вот такую вот кучу дерьма, а поджечь ее к чертовой матери нельзя.

Она смотрела на меня, ждала реакции. Проверка.

Я бы мог легко ее пройти. Выдать что-нибудь про испорченных зажавшихся богатеев и собственную тяжкую жизнь в доме из шлакоблоков. Запросто. Почему нет? Я так давно хотел попасть в отдел убийств. Работай, двигайся к своей мечте.

Но сближаться с Конвей мне отчего-то не хотелось.

– Красиво, – сказал я.

Она чуть скривила рот – это могла быть усмешка, но нет, что-то другое. Разочарование?

– Тогда ты им понравишься, – протянула она. – Пошли, найдем тебе аристократов-англофилов, полебезишь перед ними.

И машина рванула с места, расшвыривая гравий из-под колес.

Парковка оказалась справа, закрытая стеной темно-зеленых деревьев, – я был почти уверен, что это кипарисы; жаль, не слишком разбираюсь в деревьях. Здесь не было сверкающих “мерседесов”, но и совсем уж развалюх тоже: учителя могли себе позволить что-то приличное. Конвей припарковалась на месте с табличкой “Зарезервировано”.

Скорее всего, никто в школе так и не увидит MG, разве что те, кто смотрел в окно, когда мы подъезжали. Конвей выбрала его для себя, ей самой важно, как и на чем она сюда приедет, а вовсе не увидят ли это другие. И я опять отредактировал мнение о ней.

Она выпрыгнула из машины, забросила сумку на плечо – ничего девчачьего, черная кожаная торба, гораздо брутальней, чем дипломаты остальных ребят из отдела убийств.

– Сначала отведу тебя на место преступления. Соберешься с мыслями и осмотришься. Пошли.

Прохладный полог тенистой кроны деревьев. Откуда-то сверху раздался звук, похожий на вздох; Конвей дернулась, но это был всего лишь ветер, играющий густой листвой. Слева, когда мы снова выбрались на солнце, оказалась тыльная стена школы. Справа – еще один обширный склон, окруженный живой изгородью.

Позади главного здания пристроили два флигеля, скорее всего, позже, но в одном стиле: тот же серый камень, тот же изысканный